

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОВТОР КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО (на материале произведений К. Г. Абрамова)

Водясова Любовь Петровна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры родного языка и литературы
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева» (г. Саранск, РФ), lvodjasova@yandex.ru*

В статье впервые в мордовском языкознании рассматривается роль тематического повтора в семантической организации основной единицы текста – сложного синтаксического целого. Отмечается, что в составе ССЦ слова одной тематической группы сближаются, образуя единую функционально-текстовую парадигму слов. Таким образом формируются новые знаки – ключевые слова и словосочетания.

Исследование проведено на материале прозаических произведений К. Г. Абрамова. В качестве основного метода был выбран описательный. Он применяется для анализа содержательной стороны ключевых слов и словосочетаний и их функционирования в определенных контекстах.

Выявлено, что главными признаками ключевых слов и словосочетаний являются частотность употребления, способность конденсировать информацию, а также возможность соотнесения фактологического и концептуального содержательных уровней текста. Ключевые слова и словосочетания, повторяясь, могут встречаться в любой части художественного произведения, так как не имеют в нем фиксированной, жестко закрепленной позиции. Абрамову они помогают в осуществлении тесной связи с другими словами, создании семантической цельности текста и, следовательно, в раскрытии его темы.

Создавая интертекстуальное «пространство», ключевые слова и словосочетания реализуют эстетические принципы автора и активизируют восприятие читателя. Они организуют семантические комплексы, образуя при этом семантическую доминанту текста. Вокруг них группируются синонимичные единицы, слова, связанные с ними ассоциативно, однокоренные слова, повтор которых в том или ином контексте диктуется авторским мышлением, и т. д.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое; компонент; средства связи компонентов; повтор; тематический повтор; ключевые слова и словосочетания.

Для цитирования: Водясова Л. П. Тематический повтор как способ создания семантической целостности сложного синтаксического целого (на материале произведений К. Г. Абрамова) // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 14–25.

Введение

В прозаических произведениях народного писателя Мордовии К. Г. Абрамова в качестве основной структурной единицы текста выступает сложное синтаксическое целое (ССЦ), компоненты которого объединены с помощью различных лексических и грамматических (морфологических и синтаксических) средств связи (фразовых скреп). Лексические средства связи занимают центральное место. Именно они предназначены для повторения, эксплицитного или имплицитного, без обобщения или с элементами обобщения, обеспечивая связность текста, которая есть не что иное, как «способность текста удерживать предмет обсуждения,

поворачивая его разными сторонами, и “плавно” переходить от одного предмета к другому»¹. В семантическом и функциональном аспектах эти скрепы имеют особое значение, так как именно на лексическом уровне текста лежит основная смысловая нагрузка в реализации идейного замысла произведения. С их помощью автором достигаются идентичность сообщаемого, движение события, сосредоточение внимания на определенном моменте, информация о некоторых новых элементах в акте речетворчества.

¹ Метс Н. А., Митрофанова О. Д., Одинцова Т. Б. Структура научного текста и обучение монологической речи. Москва, 1981. С. 20.

Обзор литературы

В лексических средствах связи главное место занимает повтор. По мнению Т. В. Харламовой, это прием наименования ранее указанного в определенном контексте денотата – лица, предмета, качества, действия. Именно повторение слов, как отмечает исследователь, выполняет в языке функцию основного строительного материала, составляет ядро текста [12]. Ее поддерживает М. И. Откупщикова: повторение смысла – «необходимое условие появления и существования текста»². О текстообразующей функции повтора говорят и В. П. Лунева³, Г. Я. Солганик⁴, Ф. К. Завгарова, А. Д. Баталова, А. Ф. Мухамматгалиева [21], К. Károly [15] и др. Любой текст обусловлен прагматическими задачами, которые ставит перед собой автор. С точки зрения прагматики повтор выступает в качестве одного из главных средств обрамления структуры высказывания в речи. С его помощью усиливается взаимосвязь говорящего с тем, что он произносит. Прагматический аспект исследования повтора превалирует в работах зарубежных лингвистов (S. Ehrlich [13], B. Johnstone [14], M. Merritt [16], C. Rieger [17], D. Tannen [19], G. Urban [20] и др.). Например, D. Tannen уверена, что именно повтор, а также диалог и детали создают прозаическое произведение [19].

Мы должны констатировать, что в финно-угорском языкознании текстообразующая роль повтора редко становилась предметом исследования. В какой-то мере этой проблемы касались Н. Н. Глухова при характеристике нюансно-вариативного повтора в текстах марийских заговоров [6], М. В. Кумаева при анализе повторов в текстах мансийского детского фольклора [8] и М. Ю. Семенова при рассмотрении эмотивности повторов на сегментном уровне в текстах карело-финских рун и марийских языческих молитв [10]. Ак-

цент в указанных публикациях делается на стилистических функциях повтора, а его текстообразующая роль нашла отражение только в наших работах [3–4 и др.].

И. В. Арнольд указывает, что основная функция повтора состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда, т. е. достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить [1]. Повторяющийся элемент скрепляет компоненты текста, подчеркивая их семантическую цельность. В этом случае мы имеем дело с языковым знаком как двусторонней сущностью, состоящей по определению Ф. де Соссюра из «означаемого» и «означающего»⁵. Эта структурная двойственность слова позволяет ему вступать в разнообразные связи и отношения с другими тождественными, подобными, соотнесенными по оценке значения или противопоставленными единицами.

Материалы и методы

Целью нашей работы является рассмотрение текстообразующей роли одного из видов повтора в семантической организации ССЦ. Материалом для исследования послужили прозаические произведения народного писателя Мордовии Абрамова – романы «Ломантне теевсть малацекс» («Люди стали близкими»; 1961), «Качамонь пачк» («Сквозь дым»; 1964), «Пургаз» (1988), «Олячинть кисэ» («За волю»; 1989). В качестве основного метода мы применяли описательный: с его помощью анализировались содержательная сторона повтора и его функционирование в определенных контекстах.

Результаты исследования и их обсуждение

В прозаических текстах Абрамов использует различные виды повторов – лексический, синонимический, перифрастический, антонимический и др., а также тематический, суть которого заключает-

²Откупщикова М. И. Синтаксис связного текста: учеб. пособие. Ленинград, 1982. С. 40.

³См.: Лунева В. П. Синтаксис связной речи (сложное синтаксическое целое): учеб. пособие. Пермь, 1982.

⁴См.: Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. 4-е изд. Москва, 2007.

⁵Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию: пер. с фр. / под ред. А. А. Холодовича [вступ. ст. А. А. Холодовича и др.]. Москва, 1977. С. 78.

ся в том, что сочетающиеся в тексте слова должны соответствовать друг другу – иметь (реально или потенциально) общие семы, образуя единую тематическую группу. Эти слова сближаются в тексте. Они образуют общую функционально-текстовую парадигму слов. Так формируются новые, эстетические, знаки – *ключевые слова и словосочетания* (или так называемые *лейтмотивы*).

Ключевые слова и словосочетания активизируют восприятие читателя и реализуют эстетические принципы автора. Эти языковые единицы выступают в качестве способа представления авторского сознания, коммуникативной стратегии его художественного творчества [5, 44–46]. Ю. Н. Караулов совершенно правомерно указывает, что ключевые слова художественного текста выступают как идиоглоссы, или «константы идиостиля», как «единицы индивидуального авторского лексикона». «Способ их существования и поведения, – подчеркивает исследователь, – ...определяется тем, что идиоглоссы образуют в пространстве текста точки концентрации смысла»⁶.

В. А. Лукин прав, когда утверждает, что в тексте не может быть меньше двух ключевых слов или словосочетаний⁷. По мнению большинства ученых, к их основным признакам относятся: 1) высокая степень повторяемости, частотность употребления; 2) способность знака конденсировать, свертывать информацию, выраженную целым текстом, объединять «его основное содержание» [11, 96] (мы согласны с Л. В. Сахарным, что ключевые слова в этом случае уподобляются «тексту-примитиву» [9, 221] – минимальной модели содержания того текста, ключом к которому они выступают); 3) соотношение двух содержательных (собственно фактологического и концептуального) уровней текста и в результате получе-

ние нетривиального эстетического смысла. Последний признак ключевых слов и словосочетаний особенно значим, так как высокая степень повторяемости тех или иных лексических единиц, безусловно, важна, но не делает их ключевыми. Например, в любом художественном тексте чаще всего встречаются личные местоимения 3-го лица, названия мест действия, глаголы перемещения и конкретного физического действия, однако они далеко не всегда являются теми знаками, которые направляют читательское восприятие и раскрывают авторские интенции. Только слова и словосочетания, сопрягающие фактологический и концептуальный уровни (два слоя текстовой информации) и раскрывающие неоднородные, эстетически организованные смыслы, могут выступать ключевыми единицами текста. Вокруг каждого из них складывается ореол различных добавочных сведений. Отсюда их важные признаки – обязательная многозначность, семантическая осложненность, реализация в тексте парадигматических, синтагматических, словообразовательных связей.

Абрамову-писателю ключевые слова и словосочетания помогают создавать семантическую цельность текста, осуществлять активную связь с другими словами, способными всесторонне раскрыть обозначенную тему.

Рассмотрим их роль на примерах из произведений писателя: *Ошонть шалность ды пулясь ансяк се ульцясь, конаванть ютась шоссейной кись Новоград-Вольнскоев. Тува капшасть ломантне чилисемав. / Ровносто весе, кинень зрявьс туюмс, тусть валске марто, сеть жо, конат кадновсть теске, кекшинесть ды аштить теке чеертть, конатненъ вярят лангс лоткась катка. / Ульцятнева яксить ламо военнойть, танкистэнь формасо. Сынь ков-бути капшитть. / Переулкава сэрей кудотненъ юткова, тусто чувтотненъ алга, аштитть пижее автомашинат ды мезе-бути учить. Сынь вельтязь чопода пульсэ, мерят, састь валсолдо ды ней сэттьместэ оймситть. / Кортыть, келя, Ровно ошонть алов пурнасть ламо танкат ды артиллерия. Снартыть*

⁶Караулов Ю. Н. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / РАН; Ин-т. рус. яз. им. В. В. Виноградова. Москва, 2001. С. 36.

⁷См.: Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: учеб. Москва, 1999.

*вачкодемс ормаза немеценть, бути сон карми эцеме седе васов. Мейс жо сестэ оргодить ломантне чилисемав? Мейс истя капишить туеме войнанть эйстэ, кадныть паксяст, кудост, тевест? Кие чарькодъсынзе войнань законтнэнь?*⁸ «В городе шумела и пылила только та улица, по которой проходила шоссе́нная дорога в Новоград-Волынский. По ней спешили люди на восток. Из Ровно все, кому надо было уйти, ушли на рассвете, те же, кто остался здесь, попрытались и сидят словно мыши, около нор (букв. дыр) которых притаилась (букв. остановилась) кошка. По улицам ходит много военных в танкистских формах. Они куда-то торопятся. Между высокими домами в переулках под густыми деревьями стоят зеленые автомашины и чего-то ждут. Они покрыты темной пылью, словно приехали издалека и теперь тихо отдыхают. Говорят, будто под городом Ровно собрали много танков и артиллерии. Хотят ударить бешеного немца, если тот начнет лезть дальше. Почему же тогда убегают люди на восток? Почему так торопятся уйти от войны, оставляют [свои] поля, дома, дела? Кто поймет законы войны?»

Перед читателем раскрывается тема войны и передается ощущение страха, который она вызывает. Ключевое слово *война* воедино связывает фрагмент текста, состоящий из пяти сложных синтаксических целых: *ютась кись Новоград-Волынского* 'проходила дорога в Новоград-Волынский', *капишаст чилисемав* 'торопились на восток', *тусть валске марто* 'ушли на рассвете', *кекшнесть* 'попрытались', *ламо военнойть* 'много военных', *пйже автомашинат* 'зеленые автомашины', *вельтязь чопода пульсэ* 'покрыты темной пылью', *пурнасть ламо танкат ды артиллерия* 'собрали много танков и артиллерии', *вачкодемс ормаза немеценть* 'ударить бешеного немца', *оргодить ломантне* 'убегают люди', *капишить туеме войнанть эйстэ* 'торопятся уйти от войны', *войнань законтнэнь* 'законы войны' (генитив). По существу, это развертывание одной темы

(темы войны), которая помогает передать другой, глубинный, смысл отрывка – физическое, а, скорее, душевное состояние людей, вынужденных жить в этом месте и в это время.

Отметим, что данные ССЦ представляют собой фрагмент текста из романа «Качамонь пачк», являющегося заключительной книгой трилогии «Найман». Роман рассказывает о событиях Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. и первых послевоенных годах. Предваряет эту тему расположенный в начале романа фрагмент, в котором Абрамов символически передает предчувствие тяжелых лет и убежденность, что все тяготы будут преодолены и обновление жизни неизбежно. Писатель описывает град – природное явление, вызывающее страх и тревогу. Ключевым словом и соответственно темой фрагмента, состоящего из нескольких ССЦ, становится лексема *цярахман* 'град'. Автор показывает это природное явление в развитии. Его начало: *Виресь кармась шалномо кода-бути лиякс, аволь истя, кода шалнось пиземеденть...*⁹ «Лес стал шуметь как-то по-другому, не так, как шумел от дождя...»

Затем сам процесс градобития: *Нешке пирень луганть ланга кирнявтнесть ашо эрьгеть. Цярахман!.. Пахом Васильевич сезевсь таркастонзо, чиезь лиссь землянкастонть. Чопода-сэнь пеленть таркас виренть велькса ней уйсь ашо. Лиссь Дракингак. Сынь кавонест стясть полянанть куншкас ды кургонь автезь вансть те ашо пеленть лангс, кона канды эсь потсонзо зыян. Сынь, меряст, эсть нее, эсть маря, кода цярахманось чави эйсэст итадо пря ланга, лавтовга, чамава...*¹⁰ «На лугу пасеки прыгали белые бусы. Град! Пахом Васильевич сорвался с места, бегом выбежал из землянки. Вместо темно-синей тучи над лесом теперь плыла белая. Вышел и Дракин. Они вдвоем встали посредине поляны и, открыв рот, смотрели на это белое облако, которое несет внутри себя беду. Они словно не видели, не слышали, как град бьет их по непокрытым головам, плечам, лицу...».

⁸ Абрамов К. Г. Качамонь пачк = Сквозь дым: роман. Саранск, 1964. С. 35.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Там же.

Окончание града автор соотносит с обновлением природы: *Лиссть вирьстэнтъ, лоткась цѣрахманоськак. Ашо пелесь тусь ков-бути чилисемав. Мельганзо менельгантъ капшастъ сезнезь веца на пельть, конатнестэ поверсь чова пиземе. Зярс Пахом Васильевич ды Дракин ютызь лугантъ, Вишкалеентъ, лиссть паксянтъ чирес, ематотсть нетъ пельтнеяк. Менелесь ванськадсь. Таго теевсь маней. Лембе*¹¹. «Вышли из леса, прекратился и град. Белое облако ушло куда-то на восток. За ним по небу спешили разорванные водянистые облака, из которых капал редкий (букв. тонкий) дождь. Как только Пахом Васильевич и Дракин прошли луг, Вишкалей, вышли к краю поля, исчезли и эти облака. Небо очистилось. Снова стало ясно. Тепло».

Абрамов проводит некую грань между природой и людьми, сравнивая град (одно из самых неприятных явлений природы) с чем-то еще более тяжелым и опасным, что может быть и в жизни людей: *вансть те ашо пелентъ лангс, кона канды... зьян* ‘смотрели на это белое облако, которое несет... беду’, *цѣрахманось чави эйсэст штадо пря ланга, лавтовга, чамава* ‘град бьет их по непокрытым головам, плечам, лицу’. Выразительность и яркость фрагменту придают метафоры (*кирнявтнестъ ашо эръгетъ* ‘прыгали белые бусы’, *цѣрахманось чави* ‘град бьет’, *пелесь тусь* ‘облако ушло’, *капшастъ сезнезь веца на пельть* ‘спешили разорванные водянистые облака’ и др.). Как видим, лексема *цѣрахман* становится темой данного фрагмента, а уже на следующей странице произведения: *Война... Война...*¹² Таким образом, слова одной тематической группы создали не просто сюжетный фон рассматриваемых ССЦ, но и помогли раскрыть их глубинный смысл.

В этом же произведении интересным является ССЦ с зачином *Поки кись лыки, мерят, ине гуй*¹³. «Большая дорога колышется, словно большая (букв. великая) змея». Ключевым в этом ССЦ становится словосочетание *поки кись* ‘боль-

шая дорога’. Тема раскрывается с помощью глаголов, обозначающих поступательное движение людей и транспортных средств: ...*Ардытъ автомашинасо, лишмесэ, молиътъ вейте-вейте, кавтонь-кавтонь, гурьбасо, полксо. Молиътъ военнойтъ ливезькадозь ды сэксэв гимнастеркасо, молиътъ велень ды ошонь ломантъ канст март ды кансттомо. Молиътъ сыреть, одт, эйкакинт. Весе сынъ молиътъ чилисема енов...*¹⁴ «Едут на автомашинах, лошадях, идут по одному, по двое, гурьбой, полками. Идут военные в потных и грязных гимнастерках, идут деревенские и городские люди с узлами и без узлов. Идут пожилые, молодые, дети. Все они идут на восток...»

Мастерство писателя сказывается в точном подборе и выстраивании ССЦ из нужных слов. В самой их последовательности заключается дополнительная семантическая нагрузка. Идентификатором всей тематической группы выступает глагол *молемс* ‘идти’. Канва основных событий четко прослеживается при простом его повторении. И если обычно глагол *молемс* (как и глагол *ардомс* ‘ехать’) привносит в высказывание динамизм, так как говорит о перемещении в пространстве, то в этом ССЦ повышенная частота его использования, напротив, создает монотонность, привносящую в повествование щемящую атмосферу. Глагол несет психологическую нагрузку, заставляющую читателя думать и переживать. Ожидаемо в этом ССЦ наличие военной лексики, тесно связанной с людьми: *полксо* ‘полками’, *военнойтъ* ‘военные’, *гимнастеркасо* ‘в гимнастерках’. Кроме того, в этом ССЦ мы снова встречаемся с символом бед и страданий: *поки кись... мерят, ине гуй* ‘большая дорога... словно большая (букв. великая) змея’. В мордовской мифологии змея (*Инегуй*) всегда была отрицательным персонажем, врагом людей. Именно с ней отождествлялись силы зла.

О доминантной роли ключевых слов и словосочетаний (применительно к поэтическим произведениям) когда-то хорошо сказал А. А. Блок: «Всякое сти-

¹¹ Абрамов К. Г. Качамонь пачк. С. 10.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Там же. С. 30.

¹⁴ Там же. С. 30–31.

хотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся как звезды. Из-за них существует стихотворение»¹⁵.

В следующем фрагменте, состоящем из восьми единиц текста (семи ССЦ и одного диалогического единства), концептуально значимую группу составляют ключевые слова и словосочетания, которые содержат семы, указывающие на отношение действия, процесса, лица и так далее к такому ужасному бедствию, как пожар: *...вайгелензэ сеске жо сезизе серьгедема: «Пожар! Пожар!»*. / *Кудо потсотне, вейке-вейкенъ тулкаезъ, ертовсть ушов. Кандра лиссь сех остаткакс. Сон аламос лоткась ды вансь пальця кудонть лангс. / Стенатне, тесонь поки вельтявкось копачазельть раужо качамосо. Кардазонть пеле лыйнесь поки якстере толкель. / Ульцяванть чийсть ломанть, сеерестъ. Кие-бути вачкодизе баяганть. Кельме коштканть сонзэ вайгелесь кайсевсь теке стака уктнема. /*

Зярс Кандра ютась церькова ограданть перька ды лиссь ульцянтень, кудось уш весе копачавсь толсо. Сон вансь, кода келес панжозь ортанева панить талакадозь реветнень, узере обушкасо Дракин порксы цепьменьксэнтъ, снарты идемс кисканть. /

– *Кирьга кинанть менстик! – сеерить тензэ ломантне.*

– *Цепесь вадря, жаль маряви кадомс. /*

Кардазстонть ливтсть, мезе саеви ды мезе кандови. Ветешка-котошка церап капшазь сявордить керш ено заборонть. / Пахом Васильевич ды Стропилкин снарткиность таргамо кардазсо кудонь вальматнень, но писсь панинзе¹⁶. «...голос [его] прервал крик: “Пожар! Пожар!”. Те, кто был дома, толкая друг друга, бросились на улицу. Кандра (Кондратий) вышел последним. Он ненадолго остановился и посмотрел на горящий дом. Стены, большая тесовая крыша были окутаны черным дымом. В стороне

двора развевалось большое красное пламя. По улице бежали люди, кричали. Кто-то ударил в колокол. По холодному воздуху его голос раздавался, словно тяжелый стон.

Пока Кандра (Кондратий) прошел мимо церковной ограды и вышел к улице, дом уже полностью был окутан огнем. Он смотрел, как через полностью открытые ворота гонят растерянных овец, обухом топора Дракин ломает звено цепи, пытается спасти собаку.

– Шейный ремень отпусти! – кричат ему люди.

– Цепь хорошая, жалко оставить.

Со двора выносили все, что можно было взять и что можно было унести. Пять-шесть мужчин торопливо ломают забор с левой стороны. Пахом Васильевич и Стропилкин сделали попытку вытащить со двора окна дома, но жара прогнала [их].

Фрагмент содержит лексику, прямо связанную с темой *пожар* (*пожар* ‘пожар’, *толкель* ‘пламя’, *тол* ‘огонь’, *пальця кудо* ‘горящий дом’, *копачазельть раужо качамосо* ‘были окутаны черным дымом’), или косвенно соотносимую с ней, конкретизирующую объект художественно-живописного описания (*ерттовсть ушов* ‘бросились на улицу’, *чийсть ломанть, сеерестъ* ‘бежали люди, кричали’, *кие-бути вачкодизе баяганть* ‘кто-то ударил в колокол’, *стака уктнема* ‘тяжелый стон’, *панить талакадозь реветнень* ‘гонят растерянных овец’, *снарты идемс* ‘пытается спасти’ и др.).

Для ключевых слов и словосочетаний художественного текста характерна культурная значимость. Эти единицы часто связаны с традиционными народными символами, отсылают читателя к библейским, мифологическим образам, вызывают у него историко-культурные ассоциации, могут рассказать о специфике обрядов, привычек [7], всего принятого и непринятого в поведении, разрешенного и запрещенного в социальном этикете той или иной эпохи, создают в произведении широкое межтекстовое (интертекстуальное) [18] «пространство».

¹⁵ См. об этом: Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/01.htm> (дата обращения: 02.03.2018).

¹⁶ Абрамов К. Г. Ломантне теевсть малацекс = Люди стали близкими: роман. Саранск, 1961. С. 128.

Так, во фрагменте из романа «Пургаз», в котором Абрамов рассказывает о подготовке к проведению языческих молебнов у мордвы, ключевыми становятся слова и словосочетания, относящиеся к сакральной лексике: *Эрьва иестэ... ютавови раськень покшозкс. Ляисто натой пурнавить ве кужос кавто-колмо раське. / Раськень озатятне ладить чи. Тенень мерить Ине чи. Теде икеле ютавовить вишка озкст – вейке кудонь, колмо-ниле кудонь, вельень. Неть озкстнэсэ энядлыть Ине Шкаентень, максозо сюронь чачома, ракишань раштамо, максозо сэтме зрямо. Ине чистэнтъ, теде башка, озныть Ине Шкаентень паро иень максомадо, зрявикс шкасто улест пиземеть, иляст са масторонть лангс ят ломанть, душмант. / Раськетне пурнавить вирень кужос, сыре чувтонь перька. Озномасть ютавови вейке чис, анокстыть тензэ вельть кувать. Озатятне варчитъ печкемс букат, барант, конатнень икелев андсызь седе парсте – улест куят ды валанят. Берянь ракишась ознома чинтень а маштови*¹⁷. «Каждый год... проводится большой родовой молебен. Иногда даже собираются на одной поляне два-три рода. Жрецы родов устанавливают день. Его называют Великий день. До этого проводят малые молебны – одного дома, трех-четырех домов, села. На этих молебнах просят Всевышнего, чтобы родился урожай, скотина размножалась, чтобы дал тихую жизнь. В Великий день, кроме этого, молятся Всевышнему, чтобы дал хороший год, в нужное время чтобы были дожди, не приходили на землю вражки люди, разбойники. Роды собираются на лесную поляну, вокруг старого дерева. Моление проводится один день, готовятся к нему очень долго. Жрецы выбирают зарезать быков, баранов, которых до этого кормят как можно лучше – чтобы были жирными и гладкими. Плохая скотина к молебному дню не годится».

Тему данного фрагмента, состоящего из трех ССЦ, определяет слово *озкс* ‘молебен’. Оно связывает воедино другие лексемы, конкретизирующие объект

¹⁷ Абрамов К. Г. Пургаз: роман-сказание. Саранск, 1988. С. 44.

описания: *раськень покш озкс* ‘большой родовой молебен’, *озатятне* ‘жрецы’, *Ине чи* ‘Великий день’, *вишка озкст* ‘малые молебны’, *Ине Шкай* ‘Всевышний’, *озныть* ‘молятся’, *пурнавить вирень кужос, сыре чувтонь перька* ‘собираются на лесную поляну, вокруг старого дерева’, *озномасть* ‘моление’. Лексика этой тематической группы возвращает социальный и житейский опыт прошлого, давние забытые традиции.

М. М. Бахтин справедливо утверждает, что разные тексты неизбежно вступают в диалогические отношения, становясь звеньями речевой цепи, так как они неизбежно соприкасаются друг с другом «на территории общей темы, общей мысли» [2, 299], поэтому и у Абрамова встречаются различные обращения, отсылки, сравнения с какими-либо событиями, персонажами и др. Например, в романе «Олячинть кисэ» страдания Олены после пыток, примененных князем Долгоруковым, писатель сравнивает со страданиями самого Иисуса Христа. Для этого он обращается к соответствующему месту в Библии, а также вводит в свой текст лексемы-библейзмы: *...мелезэнзэ ледсь Евангелиясто се таркась, конасонть кортавь, кода Голгофа пандов крестонть кандомсто Иисуснэнь ливезев чаманзо нардамс вейке иудеесь макссь кедь паця. Иисусось нардызе чамастонзо ливезентъ ды максызе пацянтъ мекев Пацянтъ лангс кадовсь Спасителентъ ликезэ*¹⁸. «...вспомнила [она] то место из Евагелия, в котором говорилось, как Иисусу, когда тот нес крест на гору Голгофу, один иудей дал носовой (букв. ручной) платок для того, чтобы вытереть потное лицо. Иисус вытер с лица пот и отдал платок обратно. На платке остался лик Спасителя».

Олена, по мнению автора, также несет свой крест, она тоже поднимается на свою Голгофу, дарующую ей в сердцах и памяти людей бессмертие: *Те ловонтень истя жо кадовсь Оленань ликезэ*¹⁹. «На этом снегу также остался лик Олены».

¹⁸ Абрамов К. Г. Олячинть кисэ: Степан Разинэнь шкадо евтнема = За волю: сказание о временах Степана Разина. Саранск, 1989. С. 293.

¹⁹ Там же.

Ключевые слова и словосочетания, повторяясь, могут находиться в любой части художественного произведения. Они не имеют фиксированной, жестко закреплённой в нем позиции. Так, глагол *цитнемс* 'блестеть', а также производное от него причастие *цитниця* 'блестящий (-ая, -ее, -ие)' и близкий по значению глагол *палсь* 'горел' становятся ключевыми в ССЦ, рассказывающем о посещении героем романа «Пургаз» дворца багдадского халифа, о поразившей его роскоши: *Пургаз эзь кенере вадрясто неемс сонсензэ калифенть, васня яла ваннось сырнесэ ды сиясо цитниця кудопотмонть. Кенкшитнеяк цитнить сырнесэ. Калифесь озадо аитесь алкине озамо таркасо. Масторо пильгензэ ало якстердсь ды цитнесь сырнень викишевкссэ поки кумбо. Цитнесь озамо таркаськак. Калифенть прясо сюлмазь ашо чалма, конясонзэ, чалманть куникасо, толкельнекс палсь якстере кев*²⁰. «Пургаз не успел похорошему увидеть самого халифа, вначале все рассматривал золотом и серебром блестящую внутренность дома. И двери блестят золотом. Халиф сидел на низенькой скамейке. На полу под [его] ногами краснел и блестел золотом вышитый большой ковер. Блестела и скамейка. На голове халифа повязана белая чалма, на лбу, посередине чалмы, огоньком горел красный камень».

Тему ССЦ определяет ключевое слово *тундо* 'весна', объединяющее вокруг себя слова и выражения, с помощью которых писатель показывает картину весеннего пробуждения природы: *сась мазый шказо* 'наступило время красоты', *кармась пижелгадомо* 'начал зеленеть', *ацавсть парцеень пиже кумбосо* 'покрылись зелеными шелковыми коврами', *чоледить нармунть* 'чирикают птицы', *панжовкстнэнь велькса* 'над цветами', *ливтнить промот, мекить, эрва кодамо тусонь нимилиявт* 'летают шмели, пчелы, разноцветные бабочки', *качады лем чувтонь панжовксонь чине*²¹ 'отдает запахом черемуховых цветов'. Природа у автора живая, натуральная. Соз-

дается впечатление, что ты находишься в лесу и наслаждаешься красотой родного края. В ССЦ много изобразительно-выразительных языковых средств, оно переполнено яркими красками, помогающими создать живую и эмоциональную картину. Тематически значимая группа слов помогает понять душевное состояние людей, их приподнятое настроение в предвкушении скорых и в лучшую сторону изменений в жизни. Однако у Абрамова есть и другая весна, весна тяжелых военных лет: *1942-це иень тундось сась Найманс войнань потмура пельтнень пачк. Ламонень эзь неяво сонзэ манейчизэ, эзь маряво лембездэ, тантей коштозо. Валскень ды чокиненень зорятне палсть якстерестэ. Сынь неявсть ломантнень пожаронь валдокс. Садтнэ эзьт пижелгадо. Сынь эзьт ливте лопат, эзьт нолда панжовкст. Ютазь телеть якшамотне пултызь умаринатнень, атямарь чувтонень, ды аитить ней сынь раужот, штапот. Сынь кулость стядо...*²² «Весна 1942 года пришла в Найманы сквозь мрачные тучи. Многим не видна была [ее] ясность, не чувствовалось [ее] тепло, вкусный воздух. Утренние и вечерние зори горели красным. Они казались людям отсветами пожаров. Сады не зазеленели. Они не выпустили листьев, не пустили бутонов. Прошедшие зимние холода сожгли яблони, вишни, и стоят они теперь черными, голыми. Они умерли стоя...».

В семантическом отношении это ССЦ антонимично предыдущему. На наш взгляд, ключевым здесь становится не слово *тундо* 'весна', но целое словосочетание *1942-це иень тундось* 'весна 1942 года'. Тематическая группа слов, относящихся к теме природы, в этом ССЦ не является средством изображения красоты весенней природы. Напротив, с ее помощью автор показывает страдания людей, которые не замечают обновления жизни, не испытывают никакой радости: *тундось сась... войнань потмура пельтнень пачк* 'весна... пришла сквозь мрачные тучи', *эзь неяво сонзэ манейчи-*

²⁰ Абрамов К. Г. Пургаз. С. 179.

²¹ Там же. С. 278–279.

²² Абрамов К. Г. Качамонь пачк. С. 201.

зэ, эзь маряво лембезэ, тантей коштозо ‘не видна была [ее] ясность, не чувствовалось [ее] тепло, вкусный воздух’, *валскень ды чокшинень зорятне... неявисть... пожаронь валдокс* ‘утренние и вечерние зори... казались... отсветами пожаров’. Эти слова и выражения создают минорное настроение, говорят об усталости и душевной опустошенности. Война – большое горе, причем не только человеческое, но и горе всей земли. Она приносит бедствия всему живому: *садтнэ эзьт пижелгадо* ‘сады не зазеленели’, *эзьт ливте лопат, эзьт нолда панжовкст* ‘не выпустили листьев, не пустили бутонов’, *телеть якшамотне пултызь умаринатненень, атямарь чувтотненень* ‘прошедшие зимние холода сожгли яблоны, вишни’, *аштитть... сынь раужот, штапот* ‘стоят... они черными, голыми’. С людьми страдает и природа, но она, как и весь народ, нестигаема: *кулость стядо* ‘умерли стоя’.

Ключевые слова и словосочетания, создавая интертекстуальное «пространство», реализуют эстетические принципы автора и активизируют восприятие читателя. Они организуют семантические комплексы в тексте, образуя при этом его семантическую доминанту. Как показали наши наблюдения над прозаическими произведениями Абрамова, при тематической связи компоненты ССЦ часто объединены параллельной связью. Но она может иметь и цепной (последовательный) характер и быть реализованной с помощью лексического и грамматического способов связности. Вокруг ключевых слов и словосочетаний группируются синонимичные им единицы, слова, ассоциативно с ними связанные, однокоренные слова, повтор которых в том или ином контексте, как правило, диктуется авторским мышлением, и т. д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Москва: URSS, 2005. 266 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исслед. разных лет. Москва: Худож. лит., 1975. 502 с.
3. Водясова Л. П. Антонимическая лексика как средство реализации лексического способа связи в произведениях К. Г. Абрамова // Вестник угроведения. 2014. № 3 (18). С. 28–32.
4. Водясова Л. П. Эмотивная функция риторического вопроса в произведениях К. Г. Абрамова // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 2 (22). С. 100–104. URL: https://www.mordgpi.ru/upload/iblock/8be/zhurnal-gno-3-23-2015_.pdf (дата обращения: 02.04.2018).
5. Водясова Л. П., Жиндеева Е. А. Способы представления авторского сознания как коммуникативная стратегия художественного творчества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–3 (50). С. 44–46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23654466> (дата обращения: 02.04.2018).
6. Глухова Н. Н. Синтаксические стилистические средства в марийских заговорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6–1 (48). С. 50–53.
7. Корнишина Г. А., Пьянзина О. Н. Праздники и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья, связанные с началом и окончанием сева // Финно-угорский мир. 2016. № 1 (26). С. 79–83.
8. Кумаева М. В. Типы повторов в текстах мансийского детского фольклора // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 12. С. 72.
9. Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. Москва: Наука, 1991. С. 221–237.
10. Семенова М. Ю. Эмотивность повторов на сегментном уровне в текстах карело-финских рун и марийских языческих молитв // Вопросы филологии. 2007. № 5. С. 280.
11. Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. Москва: Просвещение, 1966. 424 с.
12. Харламова Т. В. Текстобразующие средства в устной речи (на материале русского и английского языков). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 305 с.
13. Erlich S. Repetition and Point of View in Represented Speech and Thought // Repetition in Discourse: Interdisciplinary perspectives / ed. by B. Johnstone. Norwood, NJ, 1994. Vol. 1. P. 86–95.

14. Johnstone B. et al. Repetition in Discourse: A Dialogue // Repetition in Discourse: Interdisciplinary perspectives / ed. by B. Johnstone. Norwood, NJ, 1994. Vol. 1. P. 1–20.
15. Károly K. Lexical repetition in text: a study of the text-organizing function of lexical repetition in foreign language argumentative discourse. Bern: Peter Lang Publ., 2002. 208 p.
16. Merritt M. Repetition in Situated Discourse. Exploring its Forms and Functions // Repetition in Discourse: Interdisciplinary perspectives / ed. by B. Johnstone. Norwood, NJ, 1994. Vol. 1. P. 23–35.
17. Rieger C. L. Repetitions as self-repair strategies in English and German conversations // Journal of Pragmatics. 2003. Vol. 35, № 1. P. 47–69.
18. Samkova M. A. Repetition and intertextuality as modalities of text structuring and perception // Facta Universitatis. Series: Linguistics and literature. 2015. T. 13, № 2. С. 95–105.
19. Tannen D. Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse. 2nd ed. New York: Cambridge University Press, 2007. 233 p.
20. Urban G. Cultural Replication: The Source of Monological and Dialogical Models of Culture // Monologic Imagination / eds. M. Tomlinson and Ju. Millie. New York: Oxford University Press, 2017. P. 19–46.
21. Zavgarova F. K., Battalova A. D., Mukhammatgalieva A. F. Repetition in the structure of tatar fairy tale texts (the device of stringing in chain-type structures) // Life Science Journal. 2014. Vol. 11, № 11. P. 602–605.

Поступила 07.05.2018, опубликована 05.09.2018

THEMATIC REPETITION AS A WAY TO CREATE SEMANTIC INTEGRITY OF COMPLEX SYNTAX WHOLE (based on the works by K. G. Abramov)

Lyubov P. Vodyasova

*Doctor of Philology, Professor, Department of Native Language and Literature,
M. E. Evseev Mordovian State Pedagogical Institute
(Saransk, Russia), LVodjasova@yandex.ru*

For the first time in Mordovian linguistics the subject of the research is the thematic repetition within semantic organization of basic units of a text, complex syntax whole. It notes that the composition of complex syntax whole covers the words of one thematic group, forming a single functional textual paradigm of words and performing a common function. Thus, it forms new entries such as key words and word combinations.

The material of the study is prosaic works by K. G. Abramov. The main method is descriptive. It was used to study the content meaning of the key words and word combinations and their functioning in certain contexts.

It was shown that the main features of the key words and word combinations are the frequency of use, the ability of condensing information, as well as the ability to correlate the factual and conceptual content levels of a text. When repeating, key words and word combinations can occur in any part of the artistic work and do not have a fixed position. For Abramov, they help in the implementation of close connection with other words, the creation of semantic integrity of the text and therefore disclosure of his themes.

Creating intertextuality, keywords and word combinations implement aesthetic principles of the author and intensify the perception of the reader. They create semantic complexes in the text forming its semantic dominant. They gather synonymous units around themselves, the words associated with them, and stemming's which repetition in a given context is usually dictated by the author's view, etc.

Key words: complex syntax whole; component; communications components; repetition; thematic repetition; key words and word combinations.

For citation: Vodyasova LP. Thematic repetition as a way to create semantic integrity of complex syntax whole (based on the works by K. G. Abramov). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 2: 14–25. (In Russian)

REFERENCES

1. Arnold IA. Stylistics of modern English. Moskva; 2005. (In Russian)
2. Bakhtin MM. Questions of literature and aesthetics: Study of different years. Moskva; 1975. (In Russian)
3. Vodjasova LP. The antonymic lexicon as a means of realization of lexical relation in the works by K. G. Abramov. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2014; 3 (18): 28–32. (In Russian)
4. Vodjasova LP. The emotive function of the rhetorical question in the works by K. G. Abramov. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2015; 2; 22: 100 – 104. Available from: https://www.mordgpi.ru/upload/iblock/8be/zhurnal-gno-3-23-2015_.pdf (accessed 02.04.2018). (In Russian)
5. Vodyasova LP, Zhindeyeva EA. The ways of representing the author's consciousness as a communicative strategy of artistic creativity. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Questions of theory and practice. 2015; 8–3; 50: 44–46. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23654466> (accessed 02.04.2018). (In Russian)
6. Glukhova NN. Syntactic stylistic means in the Mari spells. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Questions of theory and practice. 2015; 6–1; 48: 50–53. (In Russian)
7. Kornishina GA, Pyanzina ON. Festivals and rituals of the Finno-Ugric peoples of the Volga-Ural region for the beginning and the end of the sowing. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2016; 1; 26: 79–83. (In Russian)
8. Kumaeva MV. Types of repetitions in the texts of Mansi children's folklore. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem* = Current research of social problems. 2012; 12: 72. (In Russian)
9. Saharny LV. Texts-primitives and regularities of their spawn. *Chelovecheskii faktor v iazyke: iazyk i porozhdenie rechi* = The human factor in language: language and speech generation. Moskva; 1991: 221–237. (In Russian)

10. Semenova MYu. Emotivity of repetition on the segmental level in the texts of Karelian-Finnish runes and Mari ethnic prayers. *Voprosy filologii* = Questions of philology. 2007; S: 280. (In Russian)
11. Smirnov AA. Problems of psychology of memory. Moskva; 1966. (In Russian)
12. Kharlamova TV. Textual means in oral speech (based on Russian and English languages). Saratov; 2000. (In Russian)
13. Erlich S. Repetition and Point of View in Represented Speech and Thought. *Repetition in Discourse: Interdisciplinary perspectives*. Norwood (NJ); 1994; 1: 86–95 (In English)
14. Johnstone B. et al. Repetition in Discourse: A Dialogue. *Repetition in Discourse: Interdisciplinary perspectives*. Norwood (NJ); 1994; 1: 1–20. (In English)
15. Károly K. Lexical repetition in text: a study of the text-organizing function of lexical repetition in foreign language argumentative discourse. Bern; 2002. (In English)
16. Merritt M. Repetition in Situated Discourse. Exploring its Forms and Functions. *Repetition in Discourse: Interdisciplinary perspectives*. Norwood (NJ); 1994; 1: 23–35. (In English)
17. Rieger CL. Repetitions as self-repair strategies in English and German conversations. *Journal of Pragmatics*. 2003; 35; 1: 47–69. (In English)
18. Samkova MA. Repetition and intertextuality as modalities of text structuring and perception. *Facta Universitatis. Series: Linguistics and literature*. 2015; 13; 2: 95–105. (In English)
19. Tannen D. Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse. New York; 2007. (In English)
20. Urban G. Cultural Replication: The Source of Monological and Dialogical Models of Culture. *Monologic Imagination*. New York; 2017: 19–46. (In English)
21. Zavgarova FK, Battalova AD, Mukhammatgalieva AF. Repetition in the structure of Tatar fairytale texts (the device of stringing in chain-type structures). *Life Science Journal*. 2014; 11; 11: 602–605. (In English)

Submitted 07.02.2018, published 05.09.2018